

Артур Кангин

ЗАПИСКИ ПЛАУВОЯ

Артур Кангин

ЗАПИСКИ РЛАУВОЯ

«Издательские решения»

Кангин А.

ЗАПИСКИ PLAYБОЯ / А. Кангин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962178-8

Весёлые, озорные рассказы о приключениях плейбоя, вулканолога, международного туриста Юры Козлова. Узнайте из первых уст о его эротических забавах. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-962178-8

© Кангин А.

© Издательские решения

Содержание

Артур КАНГИН	6
Глава 1	8
ЦВЕТУЩАЯ САКУРА И САМУРАЙСКИЙ МЕЧ	8
Глава 2	12
ПОЛНОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС	12
Глава 3	17
КОЛЛЕКЦИОНЕР ЯДОВ	17
Глава 4	22
ХУ ХО	22
Глава 5	28
ЦАРЬ-РЫБА	28
Глава 6	33
ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ	33
Глава 7	38
СТО РУПИЙ	38
6	42
Глава 8	43
ЕГИПЕТСКАЯ ГУБНАЯ ПОМАДА	43
Глава 9	46
КРЕМЛЕВСКИЙ КАРНАВАЛ	46
Глава 10	49
КАВКАЗ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

ЗАПИСКИ РЛАУВОЯ

Артур Кангин

© Артур Кангин, 2019

ISBN 978-5-4496-2178-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Артур КАНГИН

ЗАПИСКИ ПЛЕЙБОЯ

- Глава 1. Цветущая Сакура и самурайский меч
- Глава 2. Полночный экспресс
- Глава 3. Коллекционер ядов
- Глава 4. Ху Хо
- Глава 5. Царь-рыба
- Глава 6. Визитные карточки
- Глава 7. Сто рупий
- Глава 8. Египетская губная помада
- Глава 9. Кремлевский карнавал
- Глава 10. Кавказ
- Глава 11. Испытание святого Антония
- Глава 12. После бала
- Глава 13. Запах женщины
- Глава 14. Принцесса Непала
- Глава 15. Собачий вальс
- Глава 16. История мозгового гиганта
- Глава 17. Сектор «Птица»
- Глава 18. Шабаш в гостинице «Останкино»
- Глава 19. Квартет си мажор
- Глава 20. Весенние перевертыши
- Глава 21. Глоток адреналина
- Глава 22. Белая лошадь
- Глава 23. Венецианский гульфик
- Глава 24. «Красная Камелия»
- Глава 25. В Париже
- Глава 26. Муза
- Глава 27. Руся
- Глава 28. Фиеста
- Глава 29. Рулеточный гений
- Глава 30. Девочка-мечта
- Глава 31. Недолгое счастье мистера Скотта
- Глава 32. Единственная
- Глава 33. Кармическая лужа
- Глава 34. Полночный звонок
- Глава 35. Жаба из интернета
- Глава 36. Сумка из крокодила
- Глава 37. Хранитель
- Глава 38. Штучка
- Глава 39. Солнечный удар
- Глава 40. Девушка по вызову
- Глава 41. У нас в Сан-Франциско
- Глава 42. Бомба-хохотун
- Глава 43. Моя наездница

Глава 44. Евочка маленькая, Бругильда большая

Глава 45. Девушки в униформе

Глава 46. Букет незабудок

Глава 47. Игры с блондинкой

Глава 48. Натали

Глава 49. Родственник

Глава 1

ЦВЕТУЩАЯ САКУРА И САМУРАЙСКИЙ МЕЧ

1.

В Японию, в страну Вечнодымящихся Вулканов, я выехал по приглашению самого императора Хурахито.

Император ждал землетрясения, сопровождающего его цунами, однако, на прогнозы местных коррумпированных вулканологов не полагался, и срочно, по электронной почте, вызвал меня, независимого российского эксперта.

Я приехал налегке. Трико с лампасами. Резиновые шлепанцы. Футболка с символикой казанского университета. Вулканологический, чистой стали, стек-щуп. В стране Восходящего Солнца стояла весна, пора цветения местной карликовой вишни, сакуры, и опасаться простуды не имело смысла.

Остановился в скромном императорском дворце для приезжих. Всё как обычно в Японии. Бамбуковые циновки. Яркое надраенная медь чайной утвари. Передвигающиеся камышовые стены.

Ухаживать за мной приставили молоденькую, с яблочным румянцем на пухленьких щеках, гейшу.

– Как зовут тебя, милая? – спросил я, расчесываясь массажной щеткой у зеркала, изготовленного в форме самурайского меча.

– Сакура-Сан.

– Девушка-вишня?

– Ветка Цветущей Вишни, господин.

– Очаровательно.

– Я вся в цвету!

Мне нравились японки. Они такие маленькие. Мало едят. Быстро передвигаются. К тому же, у них до старости сохраняется наивное выражение лица.

– Есть у тебя жених, Сакура?

Девушка потупилась.

– Есть ухажер, – не сразу ответила она. – Самурай Хакиро-Сан. Но гейшам нельзя выходить замуж.

– Отчего же?

– Гейши должны улаживать слух и зрение гостей страны Восходящего Солнца.

– Замечательно! Пора бы и в России перенять ваши передовые обычаи.

– А ночью я должна улаживать гостей сексуально.

– Вот как! Скажите, пожалуйста! – в свою очередь потупился я.

Девушка невинно моргала огромными смоляными ресницами.

– И что твой ухажер, как его, Хакиро, нервничает?

– Грозится убить меня, а потом сделать себе харакири.

– Горячий молодой человек, – не на шутку опешил я.

– Можно идти, Юрий-Сан? – склонила маленькую, обворожительную головку Сакура.

– Постой! И когда же Хакиро планирует все это сделать? Харакири и прочее?

– В ближайшие ночи.

– Ах, ты! Иди же, Цветущая Вишня.

2.

Оставшись один, я умылся из медного таза с подозрительными благовониями, надел алое кимоно с золотыми драконами, прилег на циновку.

Уехать сейчас же!

Но за одну ночь любви с Сакурой и жизни не жалко.

Хотя, с другой стороны, жалко.

После тридцати всё только начинается...

И почему именно мне подсунили Цветущую Вишню с безумцем ухажером? К тому же, вооруженным до зубов.

Где справедливость?

После перелета «Москва – Токио» я смертельно устал, веки мои незаметно сомкнулись.

Проснулся я от свистящего звука шелка.

Приоткрыл глаза и сразу же, от восхищенного испуга, плотно закрыл их.

Сакура раздевалась прямо предо мной на циновке.

Маленькое, стройное, оливковое тело. Россыпь родинок у милого пупка. Трогательная незащищенность ключиц. И прочее! Прочее!

Я не выдержал и открыл глаза.

Гейша держала в руках какой-то неизвестный, похожий на мандолину инструмент.

Сочный аккорд из русских народных песен.

Девушка пустилась в пляс.

Точеные ножки озорно стучали по тростниковой циновке.

В карих, продолговатых, приподнятых как у кошки, глазах отражалась янтарная луна.

Тук-тук-тук! Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

Стучали пяточки японки прямо перед моим носом.

О, это было выше моих сил!

– Милая, ну иди же ко мне! – заскрипел я зубами.

Сакура не заставила себя ждать.

Вы когда-нибудь спали с молодыми, розовощекими японками?

Нет?!

Значит, вы вообще не спали с женщинами, и до седых волос дожили девственником.

Вы торопливо толкуете о кореянках, монголках и мадьярках?

А я вам авторитетно говорю – это не то! Совершенно!

Ладно мадьярки. Допустим. Но монголки и кореянки?

Смешно, господа!

Мало того, что Сакура на зубок знала все позиции Камасутры, она еще в каждую позицию вносила свою изюминку и выполняла ее с блеском, присущим только особо одаренным гейшам.

Да, Небо соединилось с Землей. Инь и ян. А потом на Цветущие Ветви Вишни обрушился богатый дождь.

О, как мы кричали!

В эту ночь даже восьмидесятилетний император Хурахито вдруг почему-то, словно уловив эротические флюиды, воспрял, и экстренно вызвал к себе всех своих наложниц. Даже престарелых!

– Сакура, родная, – рассматривал я свою кралоу в медовом свете японской луны. – Неужели у вас все такие?

– Не знаю, – смежила, как крылья бабочки, реснички Сакура. – Но я – такая! Нравлюсь?!

В ответ я лишь по инерции страсти заскрипел зубами.

3.

На следующий день я с утроенной энергией облазил весь вулкан Фудзияма. Тщательно проколол его во многих местах стальным стеклом-щупом с набалдашником из медвежьей кости.

Опасения императора Хурахито оказались напрасны.

Парочку годков вулкан еще поспит, постоит под паром.

Спускаясь с отрога вулкана, я встретил юношу с самурайским мечом за поясом.

Японец злобно зыркнул на меня и сплюнул в сторону.

– Кто он такой? – спросил я у одноглазого, с зеленовато-седой косичкой, меняльщика йен на баксы.

– Хакиро-Сан, – хитро прищурил лисий глаз меняльщик. – Ухажер Сакуры-Сан.

– Что-то он психует?!

– Еще бы! После того как к нам приехал какой-то русский с репутацией мартовского кота, Хакиро-Сан не находит себе места.

– Чего же он хочет?

– Убить поганого русского, а потом сделать себе харакири.

– Да, это просто маньяк какой-то!

– На его месте я бы поступил точно так же! – весело подмигнул меняльщик.

– Вы хотите меня убить?

Японец опешил:

– Почему именно вас?

– Это так... К слову.

Я тщательно вытер стальной стек-щуп об изумрудную траву газона и, непрестанно оглядываясь, пошел в свое пристанище, императорский дворец для приезжих.

4.

Эту ночь спалось исключительно плохо.

Не помогла даже увлекательная игра в маджонг и страстные ласки Сакуры-Сан.

Глубоко за полночь, предчувствуя что-то недоброе, я перебрался из спальни в умывальную комнату и прилег на циновку рядом с медным тазом.

Стояла оглушительная тишина.

Лишь тревожно гукали японские совы.

Апрельский ветер нес в крошечное оконце под потолком живительную прохладу и лепестки цветков сакуры.

Не только!

Не только лепестки и прохладу...

Если бы всё ограничилось только этим.

Вдруг в это оконце с феноменальной пластичностью кто-то протиснулся и барсом подпрыгнул к моей постели.

Меня в ней не было!

Я как предчувствовал.

Напрошенный гость выхватил из-за кушака кривой обоюдоострый самурайский меч и принялся безжалостно рубить мое ложе.

– Умри! – закричал пришелец.

Прижав к себе, как римский щит, медный таз, я зорко затаился в умывальной комнате.

Сакура-Сан включила ночник.

И что мы увидели?

Точнее – кого?

Хакиро-Сана с блуждающей улыбкой на вспененных губах.

Моя порожняя циновка оказалась изрубленной в клочья.

Задарма пропал труд доброго десятка несчастных старушек-циновщиц.

Безобразие!

Такое неуважение к чужой работе!

Мало того, нарушен был ночной сон.

Холодная медь придавала моим рассуждениям уверенность и даже отважность.

Сакура-Сан вскочила на изящные ножки и залепила Хакиро-Сану звонкую пощечину.

– Что ты наделал, Хакиро?

– Где он?

– Нет, что ты наделал?! Я первая спросила!

Юноша чуть не плакал:

– Я все равно убью его!

Тут, прикрывая срамное место тазом, вышел и я:

– В чем, собственно дело, молодой человек?

– Попался, котяра! Она – моя! – Хакиро кинулся на меня, но Сакура, с неожиданной энергией, перехватила его руку с мечом.

– Я – ничья, Хакиро, – вкрадчиво произнесла девушка. – Я – гейша. Вольная жрица любви. И останусь гейшей до конца своих дней. А в Японии японки живут удивительно долго.

– Все равно я убью его! – настаивал неугомонный.

– Он – гость. Один из многих. Ты будешь, Хакиро, убивать всех моих гостей? – горько усмехнулась Сакура.

Юноша бросил кривой меч и, утробно зарывав, выпрыгнул в тесное оконце.

Благо моя спальня на первом этаже, ушиб ему не грозил.

5.

На другое утро мы прощались с Сакурой в аэропорту.

– Значит, я один из многих? – энергично заиграл я желваками.

Сакура порывисто обняла меня тонкими руками.

– Дурачок, – прошептала в ухо, – иначе он убил бы тебя. Медный таз самурайский меч разрезает, как вологодское масло.

– Ты всем это говоришь?

– Тебе первому, – на глазах девушки блеснули слезы. – Хочешь, я уеду с тобой в снежную и страшную Россию? Там, правда, повсюду всюду бродят медведи, а мужики отплясывают перед Кремлем в красных козлиных сапогах?

– Ну, зачем же? – насторожился я. – У меня там жена, дети, алименты... Какие медведи? Ты путаешь с шапито.

– Вот видишь...

– К тому же, я еще ни разу не надевал красные сапоги.

В самолете я прочитал в свежей газете о камикадзе. Он, в знак какого-то протеста, протаранил на стальном скутере китобойное российское судно.

Был ли этим камикадзе знакомый мне Хакиро-Сан?

Не уверен.

Я плохо его знал.

Мне он никогда не нравился.

Я не вел с ним бесед о китах.

Хотя поговорить именно об этом стоило.

Короче! Итальянский министр земледелия срочной телеграммой вызвал меня в Триест.

Глава 2

ПОЛНОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС

1.

Поезд «Рим – Триест» отбывал в воскресенье, в 1.30 ночи.

Я стоял на перроне, поеживаясь. Даже бобровый, в алмазной пыли воротник, не спасал от дикого мороза, как бедствие, опустившегося на Европу.

Проводник хлюпал носом в багровых прожилках и недоверчиво смотрел на мои «с иголочки» валенки.

Россиян до сих пор недолюбливают в Средиземноморье.

– Синьоры! Синьорины! Уно моменто! Престо! Аривидерче! – с легкой хрипотцой по-итальянски балаболит проводник. Он просил всех срочно прощаться.

И тут на заснеженном перроне появилось видение.

Дама!

И какая?!

Высокая.

Изящная, как африканская пантера.

Или, как уругвайская лань.

За ней, шаркая ногами в бирюзовых калошах, брел квадратный старик с глумливыми глазками и отвисшей, слюнявой, даже на морозе, нижней губой.

Я покачулся от столь явного контраста небесной красоты и умопомрачительного уродства.

– Павел, – пропело бархатное контральто, – какое у нас купе?

Все это было произнесено на чистейшем русском. Встретить соотечественников в Риме! Какая удача!

Я широко улыбнулся.

– Номер пять, – брезгливо обронил господин и, взглянув исподлобья, оттолкнул меня острым старческим локтем.

Я быстро сунул проводнику хрустящую десятку евро и кивнул на странную парочку:

– Ху ис ху?

– Князь и княгиня Волконские, – на ломанном русском произнес проводник и, заметив мой восторг, подмигнул оливковым глазом: – Око видит, мосье, да зуб неймет! Так это будет по-русски?

– Это мы еще посмотрим.

Я неумолимо отстранил стальным плечом заболтавшегося служителя европейской «железки», и вошел в ароматизированный парижскими духами, с персидскими мохнатыми дорожками, вагон.

В купе я выпил крепчайшего чая в серебряном подстаканнике, сознание мое прояснилось.

«Ну, почему эта княгиня Волконская не моя жена?! – искренне возмутился я. – Что этот старик с отвисшей губой понимает в любви? Святотатственно даже представить их вместе в постели. Брр!» – меня передернуло.

В купе заглянули, перепоясанные белыми ремнями, жандармы. Недоверчиво рассмотрели водяные знаки в моем паспорте с нахохленным двуглавым орлом.

Высокий жандарм с загнутыми вверх рыжими усами резко спросил:

– Цель визита?

– Я, Юрий Козлов, – представился я с достоинством. – Вулканолог и путешественник. Спутниковая фотосъемка зафиксировала некоторые толчки в районе Триеста.

– Неужели у нас нет своих специалистов?

– Просто, я лучший...

Маленький жандарм с мефистофельской бородкой уважительно отдал мне честь:

– Будьте осторожны, сеньор! По нашим сведениям, в поезде находится опаснейший русский рецидивист. Паша Грёбаний!

– Не человек, зверь! – заиграл желваками высокий жандарм.

Я склонил набриолиненную голову с косым пробором.

– Мама дорогая! – воскликнул я, когда жандармы удалились. – Как полиция шпарит на русском! Знают ли наши полицейские с Петровки хоть парочку итальянских словечек? Не уверен! Поэтому и такая преступность.

В купе вежливо постучали.

– Открыто!

На пороге стояла Незнакомка. Розовые ее губки игриво морщились:

– Позвольте представиться, княгиня Анфиса Волконская.

Я вскочил и щелкнул каблуками домашних тапочек:

– Вулканолог Юрий Козлов. Вызван в Триест, на осмотр вулканов.

– Очень приятно. Я сразу узнала в вас соотечественника. Нет ли у вас колоды игровых карт?

– Княгиня, какой же русский путешествует без колоды карт?!

Я протянул новехонькую пачку. На рубашке карт были изображены красавицы топлес.

Княгиня посмотрела на меня с ангельской нежностью:

– Метнем банчок? Мы в соседнем купе.

– Не хотелось бы досаждать вашему мужу.

– Ах, как хотите...

2.

Экий дурень, не пошел к княжеской паре.

Вот и сиди теперь бирюком!

За окном проносились опостылевшие итальянские окрестности.

Родина, если не ошибаюсь, Петрарки и Лауры.

Любовные мадригалы.

Истовые признания в своей страсти под балконом любезной.

Я так жаждал любви, а теперь вертись в постели один, как перст.

Вдруг в соседнем купе, в коем мирно ехали мои великосветские соотечественники, раздался истошный крик.

О, небеса!

Так кричит только раненый койот в прериях Мичигана.

Так кричит уссурийский тигр, пойманный сибиряками в капкан.

Я опрометью выскочил в коридор и принялся сокрушительно трясти княжескую дверь.

В щелочку выглянула княгиня Анфиса. В шелковом чепчике, с бриллиантовой диадемой на ночнушке.

– У вас кто-то кричал! – ошалело уставился я на княгиню.

– Пустяки.

– Как пустяки?!

– Моему мужу, Павлу, приснился ужасный сон. Старость! В поездах ему всегда снятся кошмары.

– Если так, то спокойной ночи, сударыня!

Я кинул взор на наручные часы «Слава». Было половина третьего. Пора бы уже и спать.

Княгиня с легкой усмешкой взглянула на мои трусы в зеленый горошек:

– Приятных снов, вулканолог Юрий!

3.

Утром весь вагон взбудоражило кошмарное известие. Кинжалом из чеченского булата, с инкрустированной бирюзой рукояткой, заколот князь Волконский.

Прямо в сердце!

И, главное, никто ничего не слышал.

Ни звука.

За исключением меня, конечно.

Но я, питая некоторые планы в отношении к княгине, предпочел хранить молчание.

Жандармы, знакомые мне коротышка и великан, обшарили, буквально на четвереньках, весь вагон, и ничего подозрительного, если не считать кем-то забытой в туалетной комнате вставной челюсти с платиновыми пломбами, решительно не нашли.

Скорее всего, эта челюсть по праву принадлежала князю Волконскому. При жизни он отличался некоторой несобранностью характера, а иногда и преступной рассеянностью.

Сразу же подозрение, как на единственного простолюдина, пало на проводника.

Однако мотивы?

Никаких мотивов!

Ничего не пропало.

Даже вставная челюсть с платиновыми пломбами.

Стали допрашивать княгиню Волконскую. Она сказала лишь то, что в третьем часу ночи вышла покурить ароматическую сигаретку в тамбур, а вернулась, вот так подарочек, муж варварски заколот чеченским булатом.

На этих словах красавица с мольбой глянула на меня.

Я закусил губу.

В конце концов, всё клонились к версии самоубийства.

Хотя, надо откровенно признать, заколоть себя кинжалом – задачка не для человека робкого десятка.

Отвисшая же слюнявая губа покойного наводила на мысли как раз о незаурядной робости.

– Их, русских, разве разберешь?! – подвел итог расследованию проводник. – Дикие люди. Азиаты. С раскосыми и жадными очами. Они любую поганку завернуть могут.

4.

На ближайшей станции, мы ехали вдоль берега Тирренского моря, тело убиенного наконец-таки вынесли.

Все вздохнули.

Ночью княгиня Анфиса Волконская вошла в мое купе.

Она так порывисто кинулась мне на грудь, что ее бриллиантовая диадема уколола вашего покорного слугу чуть пониже соска.

– Мой спаситель! – сияя бархатными глазами, воскликнула Анфиса.

Поезд неся по итальянской провинции. Мелькали ветряные мельницы, уютные домики с черепичными крышами, облитые лунным светом.

– Ну, что вы княгиня!

– Никакая я не княгиня!

– А кто же?

– Секретарша Паши Грёбаного.

Я опешил:

– Того самого? Крестного отца русской трансъевропейской мафии?

Волосы мои стали дыбом.

– Не бойся, дурашка, – Анфиса поцеловала меня в губы. – Паша Грёбанный, он же князь Павел Волконский, мертв.

– Это был он.

– Ну, а кто же?

– Так ты убила его?

– Не совсем так.

– А как же?!

– Буду откровенна, как перед батюшкой. Последней близости между нами не было. Вчера он полез ко мне в постель. Я сопротивлялась. Тем более, он вонял козлом. Потом подонок выхватил кинжал. Завязалась борьба. В темноте ничего не видать. Неосторожное движение, и Паша заколол себя сам.

– Быть того не может.

– Почти сам. Кинжал, если быть до конца откровенной, был все-таки в моей руке.

– Какой ужас...

– Не волнуйся! На совести этого изверга сотни, если не тысячи, загубленных жизней.

– Ну, если так. То, конечно...

– А теперь – целуй же меня, целуй!

Вы когда-нибудь спали с красоткой, которая еще вчера ухайдакала крутого вора? Пусть и престарелого. И с отвисшей слюнявой губой.

Ощущение острейшее! Как у укротителя львов, входящего в клетку с голодными хищниками. Как у президента, лобзающего в аэропорту главу делегации страны людоедов. Как...

Да что говорить?!

Мы меняли эротические композиции, как лайковые перчатки.

Мы забыли такие слова – насыщение и усталость.

Мы забыли все.

Блекло горел фиолетовый ночник.

В окно сек снежный ветер.

Мы были в Италии.

Милая страна сеньор и синьорин.

Родина великого Феллини и кровожадного дуче Муссолини, повешенного на кипарисе вниз головой.

Тут была не одна страсть, а и уважение к отчаянно смелой женщине.

Наверное, Анфиса смогла бы мне стать отличной женой.

Хотя ее бизнес, авантюрное прошлое, несколько охлаждали мой пыл.

5.

В Триесте сёк дождь.

В подворотнях орали угольно-черные коты.

На перроне мелькали чумазные физиономии здешних бродяг.

– Ну, прощай, Юрик! – на загнутых ресницах Анфисы сверкнули алмазные бусинки.

– Куда ты теперь?

– Пойду в секретарши к конкуренту Паши Грёбаного.

– К Стёпе Крестовскому?

– К нему проклятому.

– Он не обидит?

– За смерть своего врага он озолотит меня с головы до ног.

Кстати, о ногах. Они у Анфисы были словно выточены из слоновой кости.

Мы порывисто, не чая уже свидеться, поцеловались, а потом я долго смотрел вслед Анфисе.

Анфисе ли?

Я никогда не узнаю настоящее ее имя.

Но эту легкую поступь на шпильках, это очаровательное виляние задом, эти гордо откиннутые густые русые волосы...

Их до конца своих дней, то есть, никогда, не забыть.

В Триесте я проколол стеклом зарождающиеся вулканы. Опасения были напрасны. Я дал свои ценнейшие рекомендации и отбыл в Москву.

Очень хотелось повидать Родину, съесть борща с поросятиной, пройтись вдоль и поперек по заснеженной Красной площади.

Глава 3

КОЛЛЕКЦИОНЕР ЯДОВ

1.

В Москве я для души нанялся выкладывать мозаику в одном из известнейших гигамаркетов. К тому же, после поездки в Триест и Японию, на вулкан Фудзияма, я слегка поиздержался.

Деньги не помешают.

Руководил мозаичным проектом архитектор Дмитрий Дмитриевич Дикий, высокий, несколько с жабым лицом, дородный мужчина, почетный член Союза художников столицы.

Картина из стеклышек и камушков живописно изображала торговую тележку доверху набитую товарами народного потребления, а над тележкой, вся в червленом золоте азиатского солнца, стоя замоскворецких голубей.

Мне было поручено выложить из агата и бирюзы голубя-форварда, весело и отважно ведущего за собой ватагу пухленьких пернатых.

Работа спорилась, только мне никак не давалась морковная бусинка глаза птицы, представленной в профиль.

Выражение головки голубя получалось каким-то встревоженным, я бы даже осмелился сказать, похотливо озабоченным.

– А вы, Юрий, попробуйте глазок сместить чуть-чуть к клюву, – задышал за моей спиной ментоловыми леденцами Дмитрий Дмитриевич, почесав бородавку на своем умном лице. – Дайте-ка... Вот! Видите, совсем иное дело. Искусство – это принцип «чуть-чуть»!

– Вы – гений, маэстро! Если бы на мне сейчас была шляпа, я бы ее снял.

– А в вас есть божья искра... – Дмитрий Дмитриевич почмокал мокрыми губами, пронзительно всматриваясь в мое лицо. – Приходите ко мне на Сретенку. Покажу вам свои картины. Хочется узнать мнение молодого таланта.

– Я же, преимущественно, вулканолог. Художества – это так, забава, хобби.

– Милок, я творю для народа, а не для горстки горделивых эстетов, – Дмитрий Дмитриевич сурово нахмурился.

– Диктуйте адрес.

2.

Стоял великолепный апрель. Автомобили разбрызгивали, пламенеющие павлиньим хвостом, лужи. На крыльце церкви влюблено щебетали отошавшие за зиму воробьи. Где-то были, дрожащие от страсти, коты. Воздух был наполнен негой, теплом, обещанием скорого, бушующего амуром лета.

Квартира маэстро располагалась в сталинской восьмизетажке, с милым ребячьим двориком. Песочница, перекошенные качели, чуть поржавевшая рама для выколачивания ковров. Вместо электрического звонка – рычажок валдайского колокольчика.

– Ага, вот и даровитый зритель подтягивается, – с распростертыми объятиями встретил меня Дмитрий Дмитриевич. Бородавка на его лице заалела. На плечи мэтра был наброшен золотистый бухарский халат. Крепкие же волосатые ноги почему-то в балетных, по-детски наивных, чешках.

Я достал из глубокого кармана румынского прорезиненного пальто «Перцовку».

– Заодно полечимся, – предложил я. – Время-то сырое. Гриппозное.

– Ты посмотри, доча, кто к нам пожаловал! – с неожиданным хохлацким прононсом заорал в пролет коридора мэтр. – Красавец, вулканолог, мозаист. Галка, иди же сюда!

И тут вышла она.

Медно-рыжая челка лихо накручена над мрамором лба. Торс гимнастки хай-класса. Стройные, длинные ноги в зеленоватых чулках со змеиным узором. Крылья ресниц над чувственными изумрудными глазами.

– Хороша? – заметив мое остолебенение, загоготал Митрич, причмокнул губами.

Я немотствовал.

– Вы прямо обратились в соляной столб.

– Что же ты, батька, гостя в прихожей держишь? – мелодично, с кубанским акцентом, произнесла Галя. – Стол накрыт. Тушеная баранина, запеченный поросенок, амурская рыба, салат оливье. Стол, можно сказать, ломится.

– И верно! – захохотал зодчий.

Двинули в зал.

Стол ослепил бриллиантовыми брызгами хрусталя. Матово отсвечивала спинка поросенка, барином развалившегося на серебряном блюде, с пучком свежей петрушки в улыбчивой пасти. И прочее, не менее аппетитное, прочее...

– Садитесь, молодой человек, – Дмитрий Дмитриевич подвинул ко мне по-модернистски крученное стальное кресло. – Заправимся и пойдем в мои креативные хоромы.

Я вежливо улыбнулся.

Аппетит у меня было просто волчий.

Галя села рядом.

Ее нога в зеленоватом чулке прикоснулась к моему, столь чуткому к женской ласке, бедру.

Как электрического разряда, я вздрогнул.

Дмитриевич помрачнел:

– Ты, Галка, не очень-то пялся. У него жена, дети.

– Меня это никогда не останавливало.

3.

В картинах Дмитрия Дмитриевича я ничего не понял.

Какие-то вороны в черных очках, с тросточками, среди подсолнуховых полей. Афганские минареты, опрокинутые полумесяцами вниз. Нищенки-старушки с безудержной радостью отплясывающие канкан на пяточке перед казино «Голден Палас».

Так сказать, изощренный постмодернизм.

Признаться, я поклонник более жизнеутверждающего, оптимистического и недвусмысленного искусства

– Ну, как? – заиграл желваками Дмитрий Дмитриевич. – По спинке дерёт? Наждаком? А?!

– Гениально, – потупился я. – Но мне больше ваши мозаики нравятся.

– Что мозаики?! – взревел Дмитриевич. Бородавка на его побагровела. – Тлен! Суета! Морок! А здесь – вечное искусство. Переживет века. Что века?! Столетия!

– Тогда, конечно, – я слегка оробел.

– Вот что тебе еще хочу показать, – неожиданно переходя на «ты», сказал хозяин. – Коллекцию ядов.

– Зачем же ядов? Помилуйте! Я ничего такого и произнести не успел!

– Да при чем здесь ты, еловая голова?! – озорно загоготал Митрич. – Я, как Леонардо да Винчи, собираю яды. Для души. Ты вот мозаикой занялся для души, а я – ядами.

Кладовка, вместительная и ярко освещенная, вся была сплошь заставлена бутылочками и пузырьками с загадочными жидкостями и порошками.

– Вот яд гюрзы, – любовно перебирал ёмкости своими волосатыми, с короткими и толстыми пальцами, руками Дмитриевич. – А это пресловутый цианистый калий. Вот цикута. А это, мой юный друг, яд с тещино языка.

– Не может быть!

– Верно! Шучу, как обычно. Всего лишь ураганной концентрации яд пчелиный.

Мы вернулись в зал, выпили еще пару рюмок.

Мастер зазевал во всю пасть:

– Иди, Галчонок, проводи гостя. А я – баинькать.

– Умаялся, папеч, – Галя расцеловала отца в щеку.

В прихожей барышня порывисто прижалась ко мне всем телом. Острые соски из-под платья даже кольнули меня. Мускулистый животик плотно притиснулся к моему пупку.

– Приходи завтра в семь! – горячо шепнула в ушную раковину.

– А как же батя?

– Он будет председательствовать в приемной комиссии союза Архитекторов Москвы.

– Мы же почти не знакомы? – вспомнив баночки с ядами, возразил я.

– Вот и познакомимся, – Галя поцеловала меня в губы.

Паркетный пол покачнулся, как палуба пиратского брига.

– Ну, так придешь, злодей?!

– Куда я денусь?

4.

Второй раз я вошел во двор маэстро, как в родной.

Пять-семь минут покатался на детских качелях, детально обдумывая план дальнейших действий.

Галчонок меня встретила в розовом пеньюаре из меха шиншиллы, с живой фиалкой в нагрудном кармашке.

Не снимая козловых ботинок, я бросился к ней.

– Нет, ты уж разденься, – увернулась Галя. – Паркет натерт пчелиным воском. Не ровен час, поскользнешься.

Я стоптал ботинки и, шествуя за Галей, по ходу сбрасывал лимонно-желтый твидовый пиджак и байковую жилетку.

Галина спинка – в меру загорелая, с симметрично расположенными лопатками, привела меня в полный восторг. С помутившимся рассудком, я чуть не укусил красавицу за розовое ушко.

Ощувив мою энергетику, Галя повернулась, и поманила меня наманекюренным пальчиком.

Вы когда-нибудь зорко наблюдали за турбиной ядерной электростанции?

Видели могучее течение Гольфстрима?

Или бега накокаиненных верблюдов в Саудовской Аравии?

Так вот, вся их энергия была ничто по сравнению с моим сексуальным посылом.

– О, мой, милый! – металась Галя в постели, методично вскрикивая пересохшими губами. – Ну, еще же! Еще!

– Ты меня не знаешь... – входя в раж, прошептал я. – Я – прима! Ас!

Тут в спальню вошел Дмитрий Дмитриевич.

Бородавка его стала сизой. Волосатые пудовые кулаки крепко сжались.

Отец Галчонка ошалело замер у порога, видимо, оценивая изысканность нашей эротической композиции.

– А у нас, Галчонок, комиссию отменили, – наконец-таки пришел в себя мэтр.

Через пару минут я, как добропорядочный гость, при полном параде входил в зал.

Г-н Дикий из граненого стакана пил, можно сказать, глушил, маслянисто отблескивающий армянский коньяк.

– Дмитрий Дмитриевич, – откашлялся я, – как джентльмен, после всего случившегося, прошу руки вашей дочери.

– Ты же женат! – глаза Дикого дико налились кровью.

– Это ли помеха? Пара месяцев и буду свободен, как степной ветер. Разве может любящее сердце смутить штамп в паспорте?

Тут, потупившись, вошла Галина. Подкрутила свою рыжую челку:

– Извини, папа!

– Галка, ты же мне обещала! – вопреку взревел Дмитрий Дмитриевич. – И это происходит почти с каждым моим гостем. Ты что, объелась белены?!

– Как вы сказали? – переспросил я возмущенного папашу. – Белены объелась? Белена – это сорное растение? Не так ли?

Дмитриевич грохнул волосатым кулаком по столешнице:

– Молчать!

– Позвольте, маэстро! Такие манеры вас, увы, не красят...

– Батюшка, отпусти Юру с миром, – Галя зябко куталась в розовый мех шиншиллы.

Митрич чуть отмяк.

– Пусть только выпьет со мной на брудершафт наливки.

Он грузно встал и отправился в коридор.

– Не пей ничего, – с расширенными зрачками, прошептала Галя. – Ни глотка!

– Когда мы увидимся? – гортанно прохрипел я в ответ.

– Забудь! Теперь все кончено!

Дмитриевич появился с коническим хрустальным графинчиком.

Разлил по рюмкам фиолетовую жидкость.

– На посошок! – произнес мой несостоявшийся тесть.

– Я не испытываю жажду, – заметил я.

– Пей, говорят! – Дикий заиграл желваками. – На брудершафт!

– Воля ваша.

Галя мне отчаянно мигала, но мы скрестили с г-ном Диким руки, втянули в себя тягучую жидкость.

Галя ахнула.

– Прощай, Юрик! – смахнул скупую мужскую слезу Дикий.

– Что значит – прощай?

– Настойка с ядом гюрзы, – сквозь слезы усмехнулся маэстро. – Еще никто не выжил.

– А как же вы?

– Я принял противоядие.

5.

Прошло двадцать минут...

Я был живее, чем был.

Яд гюрзы оказался просроченным.

Дмитрий Дмитриевич доил этот яд из пасти змеи еще в глубокой юности. В Каракумах.

На меня отравы подействовала лишь, как слабительное. Я не покидал ватерклозет в гостеприимном особнячке на Сретенке три дня и три ночи. Трое суток!

Дикий и его дочурка были вынуждены пользоваться по старинке ночными горшками.

У них просто не было выбора!

Хвала небесам, все закончилось благополучно.

Я похудел, помолодел лет на пять.

Чего не скажешь о бородавчатом маэстро.

Когда мы прощались, под глазами у свободного художника залегли лиловые круги.

Галка же выглядела великолепно. Как семнадцатилетняя гимназистка.

Вообще, секс со мной феминам идет на пользу.

Все хорошо, только теперь, проходя мимо восьмизатжки с детским двориком, я испытываю некоторое, не до конца понятное мне самому, смущение.

Ах, Галчонок, кто мне объяснит – почему?

Как-то в проеме окна мелькнул жабий силуэт Митрича.

Зайти?

Проведать?

Но незванный гость хуже татарина.

Где-то впереди предо мной уже маячили китайские вулканы.

А к ним я испытываю страсть не меньшую, чем к обворожительным москвичкам.

По приглашению высшего партийного лидера я срочно отбыл в Китай.

Глава 4

ХУ ХО

1.

Я прибыл в Китай с некоторой настороженностью.

Население больше миллиарда...

Это хоть кого может смутить.

И все сплошь китайцы!

Но, получив официальное приглашение обследовать тибетские вулканы, я не счел себя вправе отказать загадочным азиатам.

Поселился в Шанхае, в гостинице на бойкой улице, над корейским рестораном «Хот дог».

По утрам под окнами гортанно кричал водовоз, остервенело брехали бродячие собаки.

Днем же китайцы смотрели продолговатыми глазами вполне доброжелательно.

Я расслабился.

Хозяйки гостиницы «Красный дракон» госпожа Ху Хо, маленькая, точеная женщина, поселила меня в пентхаусе.

– Почему такая честь? – спросил я госпожу Ху Хо.

– Мой папа учился в Москва! Мой мама учился в Москва! – радостно засмеялась Ху Хо и закрыла детской ладошкой рот.

– Так мы почти земляки, – съёрничал я.

– Шутник! Шут гороховый! – хохотнула Ху Хо.

– Однако, с русским языком у вас того...

– Что того?

– Не очень...

– А у вас с китайским?

– Учю понемногу.

Вечером прошелся по шанхайским улицам.

Смотреть нечего...

До Великой китайской стены далеко. А это, пожалуй, единственно дельная достопримечательность Поднебесной.

Перекусил в «Хот доге» рис деревянными палочками.

Как все неудобно, невкусно!

Ах, милая Москва!

Расстегаи!

Стерляжья уха!

А тут – все переперчено, воняет почему-то собачатиной.

Хорошо еще я захватил туристический перочинный нож с вилкой и ложкой. После всех мучений с палочками, кое-как справился черным рисом.

К вулканам решил ехать завтра, надо отдышаться после дороги.

Возвращаюсь в гостиницу, полупоклоном приветствую Ху Хо, что-то подсчитывающую у стойки, и вдруг обнаруживаю особенность сего заведения.

На стенах в причудливом беспорядке висят головы диких животных: клыкастого кабана, оленя с ветвистыми рогами, щекастого бегемота, какой-то усатой выдры.

Да и на паркете пола, то там, то сям застыли чучела: крокодил с ощеренной пастью, мохнатый гималайский медведь с белой галочкой на груди, миниатюрный черноморский жираф.

– Госпожа Ху Хо, ваш муж – охотник?

Ху Хо молитвенно сложила на груди ладошки.

– Погиб на охота! – смеется радостно.

Тут меня, признаться, передернуло.

Как наждаком по спине!

Чего, спрашивается, гоготать?

Но вспоминаю затейливый этикет.

Азиаты смеются всегда, хотя бы на их глазах столовым ножиком резали родную маму.

Смиряюсь, как чужестранец, однако, как гражданин, негодую.

– Примете мои соболезнования, госпожа Ху Хо!

– Не стоит! – хохочет Ху Хо. – Вы любите цуцела?

– Чучела? Не очень.

– А я мечтаю о целовецеских цуцелах. Оценъ-оценъ!

– Позвольте!

– Бояться не надо! Хороший целовек ничего не грозит. В нашей стране много врагов. Вот из них цуцела и надо делать!

– Это зачем?

– В назидание! Вы не враг нашей страны? – насторожилась Ху Хо.

– Искренний друг!

– Я так рада!

– А я как рад!

– Спать вам уже постелила. На самой толстой и теплой циновке.

– Благодарствую... – от душевной взвинченности я перешел на старорежимный жаргон.

– Вам вызвать молоденькую массажистку из «Красных фонарей»?

– Ни в коем случае! За рубежом я веду исключительно целомудренный образ жизни. Ни секса, ни обжорства, ни... В общем, ничего лишнего.

– Ай-ай! Такой молодой и девственный!

– Спокойной ночи, госпожа Ху Хо!

2.

Захожу к себе в номер и хватаюсь за пророческую «Книгу Перемен».

Дай, думаю, метну монетки.

На душе скребут кошки.

Что-то ждет меня впереди?

Кинул.

Читаю:

«Ни в коем случае не спите этой ночью. Иначе вы будете изнасилованы и зверски убиты».

Вот так бонус!

Шанхайский сюрприз!

Свернулся калачиком на циновке, а за окном китайские массажистки песню поют, мол, солнце всходит и заходит, а любви все нет, есть лишь старый клиент. Да и тот скупой.

Горькая песня!

В России песни гораздо веселее.

Горластый сверчок в изголовье циновки защелкал соловьем.

И какой-то странный мотив?

Вроде реквиема!

Нет, братцы мои дорогие, вы как хотите, мне Златоглавая стократ милей Шанхая.

Пусть тут и великая китайская стена!

Пусть!

А у нас лишь миниатюрная, Кремлевская...

Полжизни я прожил без китайской стены и еще проживу!

Обойдусь, перебуюсь как-нибудь...

А это что такое?

В скважине двери металлически ворочается, скрежещет ключ, и на пороге номера предстает...

Кто бы вы думали?

Госпожа Ху Хо.

Собственной персоной!

Входит и молчит.

У меня на голове волосы дыбом.

А подлец-сверчок в изголовье шанхайский реквием воет.

– Вы что это задумали, госпожа Ху Хо? – спрашиваю, отчетливо лязгая зубами.

– Возьми меня, Юра! – просит азиатка.

Присмотрелся, батюшки-светы, госпожа Ху Хо пришла ко мне совершенно нагой. Лишь под зонтиком из бамбука.

А как сложена!

Грудки крепкие. С острыми сосками. Мускулистый животик с очаровательным пупком. Нежный абрис ягодич неспроста переходящих в изящные ноги с точеными породистыми щиколотками.

Тут я вспомнил ярко, как при магниевой вспышке, зловещее предсказание «Книги Перемен», ошпарено вскочил с циновки.

– Уходите, госпожа Ху Хо, – говорю. – Время, к шаману не ходи, позднее.

Китайка обняла меня, поцеловала в шею.

На ощупь кожа госпожи Ху Хо была нежной, молодой.

А запах!

Изысканный аромат ванильной сдобы исходил от ночной гостьи.

«Авось, пронесет, – думаю. – Если это называется насилием, я согласен. Хоть каждый день! Пусть насилуют на здоровье!»

Кинулся в любовь, как в омут с головой.

– Мой сладкий бамбук! – шепчет Ху Хо. – Мой медовый лотос!
Добрый десяток поз. Сотни любовных стонов. А ей хоть бы что.
– Не могу, госпожа Ху Хо! Устал!
– Как мужчины ужасно устроены! Я могу это делать вечно!..
И госпожа Ху Хо, вся в янтарном свете луны, приняла такую
заманчивую, такую уточено развратную позу, что я, скрипнув
зубами мудрости, откуда только силы взялись, бешеным кобелем
бросаюсь на ее нежное тело.
Под утро и госпожа Ху Хо притомилась.
Легла на мою руку, спрашивает:
– Понравился тебе Китай?
– Ничего. Народу много.
– А я?
– Ты – ангел с раскосыми глазами.
– Юрий, ты напряжен. Что такое?
– Да я по «Книге Перемен» монетки метнул. А там такое!
– Какое? – Ху Хо села на циновке.
Я смеюсь и цитирую: «Сегодня ночью вы будете изнасилованы
и зверски убиты».
– А это правда, – улыбается Ху Хо.
– Какая еще правда? – столбенею.
Ху Хо вытаскивает золотой шнурок из волос и с тигриной
ловкостью обматывает мне шею.
– Ты чего?! – хриплю из последних сил.
– Завещание моего папочки.
– Какое еще завещание?
– Убивай русских. От них все беды в Китае.

3.

Вы думаете – я умер?
Ничуть ни бывало!
Завязалась борьба.
И какая!
Хорошо, что я имею черный пояс по японскому карате и зеленый
пояс по русским кеглям.
Занимайтесь спортом, ребяташки!
Как еще жизнь повернется?
Шнурочек я со своей шеи разматал.
Ручки госпоже Ху Хо им же крепко-накрепко за спиной скрутил.
– Ну, – говорю, – рассказывай.
– А что рассказывать? – печально опускает длинные ресницы Ху
Хо. – Мой папа был профессором. Гуманитарием. В культурную
революцию был растерзан подростками-хунвейбинами. Перед
смертью он и попросил меня убить хотя бы одного русского.
– Зачем? Почему?
– Все революции от вас, Юрбас.
Ах, госпожа Ху Хо, госпожа Ху Хо!
Плохо вы изучали историю!

Я тотчас прочитал краткую, информационно насыщенную лекцию о российско-китайских отношениях, а шнурок на ручках ее не развязываю.

Мало ли еще чего?

Взбрыкнет милая.

Заплакала Ху Хо слезами раскаяния и радости.

– Я все поняла. Развяжи меня, Юрий.

Пригляделся, оценил обстановку, развязал барышню.

Целую ее в заплаканную щеку.

– Вообще-то, – горестно говорит Ху Хо, – я старушка. Мне уже семьдесят пять годков.

Меня так и передернуло.

С бабушкой резвился!

– А что же ты так ослепительно выглядишь?

– Гималайские травы пью. Из мяса ем одну парную собачатину. Опять же – иглоукалывание.

– Все, госпожа Ху Хо, – говорю резко. – Мне сегодня в горы, а я ни минуты не спал. Попрошу помещение очистить!

– Подмести? Помыть?

– Покинуть! Вон!

– Юрочка, я же тебя люблю! – потянулась ко мне губами.

– Никаких поцелуев, – вскочил я с циновки. – Если желтые таблоиды узнают о нашем романе, расвистят по свету. А я еще докторскую диссертацию не защитил!

Ху Хо виновато ссутулилась и неслышно вышла.

4.

Облазил я все горы Тибета.

Простукал стеклом вулканы.

Спят, голубчики, а лет через двадцать жажнут так, мало не покажется!

Лавы будет столько, хоть Луну вторую лепи.

Рассказал я все это китайскому правительству, а оно мне в знак благодарности парочку панд подарило.

Мужа и жену.

Супругов!

Зовут – Вень-Вень и Бень-Бень.

Приеду домой, передам их в безвозмездное пользование московскому зоопарку.

На шанхайском перроне госпожа Ху Хо уронила мне голову на грудь. Безжалостное китайское солнце высветило седину в прядях моей ночной подружки, гусиные лапки морщинок у глаз.

– Прощай, Юрочка, – печально сказала Ху Хо. – Ты же – Юрий, как Гагарин. И ты, как Гагарин в космосе, был у меня первым.

– Что ты говоришь?! А муж?

– Ах, муж... Он был маленький, лысый, желтый... Муж не считается.

Я бегло поцеловал госпожу Ху Хо и молодцом вскочил на подножку тронувшегося поезда.

Прощай, Поднебесная!

Прощай, страна с загадочным прошлым и еще более загадочным будущим.

Прощай, седенькая моя госпожа Ху Хо.

Будь, по возможности, старушка, счастлива.

Я же, после всего случившегося, отчалию на Кубу. Отдохну во всю ширь русской души. И выловлю, наконец-таки, легендарную царь-рыбу. О которой грезят все американцы. Включая, покойного Хемингуэя.

Глава 5

ЦАРЬ-РЫБА

1.

Зафрахтовал яхту «Victory» с капитаном Джоном, я лежал на циновке в гостинице «Золотой крюк» (весьма душной, с жирными тропическими мухами), читал специальную литературу о меч-рыбе. В народе ее называют царь-рыбой. Поймать её нельзя с кондачка. Это водоплавающее исключительно мощное и дьявольски коварное. Заметьте, с мечом!

Многие наши соотечественники нашли вечный приют на песчаных отмелях Гаваны, растерзанные зубатым агрессором с плавниками.

Однако после охоты на африканских львов и уругвайских скунсов я чувствовал себя редкостно хладнокровным.

Капитан Джон оказался тощим, седым негром, с бессмысленно мутными от мертвецкого пьянства глазами.

– Хэллоу, сэр! – окликнул он меня на причале, гулко отхлебнул от початой бутылки виски «Белая лошадь» и покачнулся. – Ну, берегись, меч-рыба! Русские идут!

Я нахмурился.

Хуже пьяного моряка на борту только гуляющая женщина.

– Снасть готова? – отрывисто спросил я.

– А как же! – Джон, ласково глянув на меня, громко икнул. – Отличная снасть. Толщина лески с тонкий канат. Крючки – из стали переплавленного авианосца «Дикая орхидея». Эта снасть, мистер Козлов, обошлась мне в 500 баксов. Берегите ее!

– О'кей! – я мускулисто запрыгнул на отменно выдраенную палубу.

«Неужели пьянчуга такой чистоплотный?!» – подумал я и вздрогнул.

В шезлонге, по-кошачьи вольготно, лежала девушка шоколадного цвета. Длинные сильные ноги. Подтянутый спортивный живот. Гибкая шея. Крепкие груди чуть прикрыты розовыми лепестками купальника.

Барышня возлежала не шелохнувшись. Под дымчатыми очками глаз не видно, поэтому я не знал – спит она или зачем-то притаилась.

– Кто это? – указал я на непрошеную гостью.

– Красавица, да?! – отпрыгнул Джон, снимая петлю каната с кнехта. – Это моя дочь. Мэри. Она мулатка.

– Погодите! Вы же негр?

– Моя покойница-жена родом из Тамбова. Елена Крючкова. Работала медсестричкой в гаванском цирке.

– Так мы не договаривались! – возмутился я. – На яхте не должно быть посторонних. Особенно – женщин!

Джон застыл с канатом в обугленных от яростного солнца руках. А девушка, напротив, села. Сняла очки. Ярко-голубые глаза лукаво прищурились.

– Мое имя, сэр, вы знаете, – мелодичным, слоистым голосом произнесла она. – А вас как зовут?

– Юрий Козлов! – Джон сделал гулкий глоток виски.

«А ведь он утопит к чертовой бабушке яхту!» – глянул я на Джона.

– Папа, я не тебя спрашиваю! – красавица стукнула о палубу точеной пяткой. – Ну, же?!

– Юрий Козлов. Юрий. Можно и по-простому – Юрик! – я растерялся под взглядом ослепительной девы.

- Чем занимаетесь?
- Вулканолог. Путешественник. Плейбой.
- Вот и познакомились, – Мэри протянула мне узенькую ладошку. – Так брать вы меня отказываетесь?
- Посудите сами. Женщина и корабль! Две вещи несовместные!
- Сэр, – Джон исподлобья посмотрел на меня. – Мэри родилась на яхте в десятибалльный шторм. Она матёра, как морской волк. К тому же, – негр прополоскал глотку виски, – из-за пристрастия к зелью я часто сонлив. А дочка на дух не переносит спиртное. Штурвал в её руках не шелохнется.
- Лады. Проверим вашу дочку в деле.
- Вы не пожалеете, сэр, – осклабился Джон.
- Это уж точно, – добавила Мэри.

2.

Грянула путина!

Нанизав на крючки-приманки ершистых красномордиков, мы смело отделились бурному течению вод Гольфстрима. Или какое там течение на Кубе? Надо уточнить в Википедии.

Вокруг нас с треском порхали рыбы. Их перепончатые крылья вспыхивали червлёным золотом.

– Сэр, меч-рыба где-то рядом, – Джон откупоривал вторую бутылку виски. – Крылатики – верный знак!

И верно!

Леска моего спиннинга резко дернулась и натянулась, как струна скрипки Страдивари

– Попалась! – гортанно вскрикнула Мэри. – Теперь травите. Иначе порвет снасть.

– Леска же толщиной с тонкий канат?!

– Царь-рыба рвет любую леску. Травите!

– Ах, мать твою!

Началась погоня за гигантской рыбиной. Когда она выпрыгнула возле яхты, налитые ее кровью глаза показались мне с добрую тарелку.

– Это и впрямь царь-рыба! – икнул Джон и так покачнулся, что чуть не выпал за борт.

«Не помощник он мне! – молнией пронеслось в моих мозгах. – Хорошо хоть взял дочурку!»

– Вставляйте спиннинг в лунку! – приказала Мэри.

– Я хочу держать в руках.

– Иначе меч-рыба вас выдернет в море.

– Я отличный пловец.

– Вставляйте же!

Странное предчувствие обожгло мне сердце – а что, если эта рыбалка затянется до бесконечности?

Будут ли у меня трофеи?

От бортовой качки меня уже поташнивало. Несколько крылатых глупых рыб угодили мне прямо в спину, меж лопаток.

К тому же, меч-рыба абсолютно несъедобна. Ее даже не едят гаванские бродячие коты. Получается – что это? Пустое фанфаронство? Выходка морских пижонов? Способ скоротать душные тропические дни?

И только я так подумал, как Мэри вскрикнула:

– Тяните!

Я стал отчаянно крутить катушку.

– Папа, сачок! – возгласила Мэри.

Сунув бутылку за пазуху, Джон на неверных ногах застыл с огромным сачком.
Вот она, голубушка!

Черная, вся устремленная вперед, как ультрасовременная субмарина. С метровым штырем меча.

– Поднимайте! – срываясь в хрипотцу, произнесла девушка. Волосы ее расплескались по кофейным плечам. Грудь кубинской амазонки воинственно напряглась.

– Тяжелая, стерва!

– Да, тяните же, сто чертей вам в глотку!

– Мэри, помягче! Наш гость обидится.

– Я не из обидчивых.

– Ага! Вот она!

Через минуту на палубе билась, хищно оскалив зубастую пасть, меч-рыба.

Я осторожно потрогал ее носком ноги.

– Какая дылда!

– Нравится? – Мэри провела пальцем по штырю меча.

– Признаться, я предпочитаю ловить черноморскую барабульку. Она маленькая. Усатая. Хлопот с ней немного. А вкус! Пальчики оближешь!

Я поцеловал свои гузкой сложенные пальцы.

Мэри почему-то нахмурилась.

– Дети мои, – устало взглянул на нас негр. – У меня все двоится. Пойду, вздремну на полу-баке.

– Конечно, идите, – разрешил я.

А когда папа Джон ушел, Мэри искоса взглянула на меня:

– Вам не по душе моя Куба?

В это время мы шли на траверзе Гаваны. Сверкнул медный купол местного Капитолия. В сквере живописно поворачивался по ходу яхты памятник, какой-то неизвестный, но, наверняка, весьма достойный, коренастый герой на вздыбленном скакуне.

– Что вы! Куба – восторг!

Мэри погладила мою руку.

– А вы сильный. Вытащили царь-рыбу!

– Я балуюсь гантелями. Опять же, черный пояс по карате!

– А какой у вас цвет глаз!

– Какой?

– Настоящего мачо.

От прикосновения пальчиков Мэри низ живота окатило сокровенное тепло.

Я слегка приобнял Мэри:

– Какая вы красивая! Мулатка!

– Хочешь поцеловать меня? – резко переходя на «ты», спросила Мэри. – Так смелей же!

– А как же папа? Джон?!

– «Белая лошадь» для отца – лучшее снотворное. Он дрыхнет без задних ног.

3.

Вы когда-нибудь целовались с молоденькой мулаткой на яхте дрейфующей в изумрудной бухте Гаваны? Знаете ли вы, что такое тропический, овейанный йодистым бризом, поцелуй?

Нет?

Мне жаль вас...

Не тоскуйте. Не вешайте нос! По крайней мере, вам есть еще к чему стремиться.

А нас волны страсти катали по настилу палубы.

Так, совсем обезумев в любовном чаду, мы докатились до царь-рыбы.

Причем я докатился первым.
– Осторожно! – вскрикнула Мэри.
Ан было поздно.
Меч-рыба коварно изловчилась и цепко схватила меня зубами за щиколотку.
Глаза водного животного мерцали лютой ненавистью.
Можно подумать, со мной у этой бестии были какие-то особые счета.
– Караул! – не своим голосом заорал я.
Мэри изо всех сил потянула челюсти меч-рыбы, они не подавались.
– Может, помрет и отпустит? – прохрипел я.
– На суше она живет трое суток.
– Какой ужас!
– Я растолкаю папу. Терпи, Юра, терпи!
Джон появился нескоро.
Предо мной уже в предсмертном хороводе проходили видения моей насыщенной жизни.
Вот я под гору качусь на финских санках.
Кто-то колючим снежком залепил мне в ухо.
Вот я с очередной женой стою в загсе и торжественно клянусь хранить верность.
О, зачем я приехал на эту треклятую Кубу?!Благо я еще бы был последователем революционных идей Че Гевары.
Так ведь нет же!
И царь-рыбе я предпочитаю тривиальную барабульку.
Пусть она маленькая.
Пусть!
Зато не кусается.
И у нее нет меча!
Джон, покачиваясь, пришел с бутылкой «Белая лошадь».
Я застонал в предсмертной истоме.
– Так ты, дура, всех моих клиентов отвадишь! – Джон ловко вставил бутылку в пасть
рыбине и единым рывком разжал челюсти.
Я откатился к леерам.
Спасен!
– Ну, – подмигнул мне Джон, – занимались любовью с моей дочкой?
– Что вы?! Я и не думал!
Мэри на меня зыркнула.
– Ладно уж, – отпил виски Джон, – не заливайте! Рыба всегда кусает клиентов, когда они
занимаются любовью с Мэри.
– Гость обо мне такое подумает! – подобрала губы мулатка.
– Что он о тебе может подумать? Ты царь-девка! Цены тебе нет. Ты даже дороже снасти
на меч-рыбу. А за снасть я отвалил целых пятьсот баксов!
– Я заплачу, – растирая щиколотку, сказал я. – Пятьсот свободных долларов у меня зава-
лялись.
– Семьсот, сэр!
– Вы в своем уме? Шестьсот.
– Шестьсот пятьдесят.
– По рукам. Шестьсот тридцать пять.
Мы крепко пожали руки.
Я поразился, хоть Джон и отпетый забулдыга, пожатие у него по-кубински крепкое, упаси
Господь, попасться под его чугунный кулак.

– Если вы хотите за отдельную плату продолжить, – деликатно предложил Джон, – я пойду покемарю.

Я покосился на царь-рыбу.

Пощупал карман.

– Огромное спасибо. С вами нам веселее.

– А я бы не отказалась еще порезвиться, – черной пантерой потянулась Мэри. – Ты, Юрий, почти как кубинец.

Дома над кроватью я повесил замечательный фотоснимок в рамке из бука.

Все наша банда.

Я держу за хвост, подвешенную на стальном тросе, усмиренную царь-рыбу. На заднем плане родственники Гонсалес, отец и дочь.

Портит фотографию лишь пластырь на моей щиколотке. Хотя именно этот пластырь, прикрывающий следы рыбьих зубов, придает документу подлинную достоверность.

Словом, я был бесконечно рад, оказавшись дома.

Законный отпуск вулканолога решил провести в родных пенатах.

Глава 6

ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ

1.

Теплоход «Саратов» мерно рассекал бирюзовые волны по пути из Новороссийска в Ялту. Я же стоял у борта и, испытывая легкое головокружение от качки, бросал в море смоченные в «Каберне» куски калача.

Чайки неистово орали, отчаянно дрались, склевывая нечаянное угощение.

«Вот так же и люди, – размышлял я, – горланят, сражаются в поисках насущного калача».

Чуть правее от меня, к борту подошла высокая, ногастая девушка. Бейсболка задом наперёд, майка с номером «777» обтягивает тугую аппетитную грудь, носик чуть вздёрнут и слегка шелушится от загара.

– Дайте мне немного калача, – попросила незнакомка.

Сердце мое учащенно забилося, почему-то зачесалась левая ладонь.

– На камбузе уже готов завтрак, – срываясь в хрип, произнес я. – На всех хватит.

– Какой смешной! – гортанно рассмеялась недавняя просительница. – Я вовсе не голодна.

Просто я тоже хочу покормить чаек.

Я осторожно отломил треть калача.

Пальцы мои подпрыгивали от странного предчувствия.

Барышня ловко метнула в чаек дрожжевым продуктом.

Птицы дико заорали.

– Иногда я представляю себя вот такой же белокрылой чайкой, – усмехнулась моя собеседница. – Всё куда-то лечу. Кричу. А куда? Зачем? Суета все и тлен...

– Юрий Козлов, – щелкнул я каблуками босоножек. – Декан казанского университета Спящих и Просыпающихся Вулканов.

– Нет, вы и, правда, чудной, – пассажирка первого класса чуть сморщила пухлые губки. – Разве я вас спрашивала? Ну, так и быть. Анна Лаппо. Мечтательница и профессиональная путешественница.

– Пойдемте ко мне, – пересохшим ртом произнес я.

– А вот это еще рановато! – Анечка засмеялась. – Вы поухаживайте сначала. Пофлиртуйте. Что же вы сразу в галоп?!

2.

Теплоход «Саратов» благополучно доплыл до Ялты, залил баки горючим, заправил склад камбуза говяжьими и бараньими тушами и, тяжело загудев, отправился в Одессу.

День проходил за днем, а последняя близость между мной и вышеупомянутой девицей пока, увы, не наступила.

Мог ли я, спрашивается, сойти с трассы?

– Вы мне нравитесь, – кошечкой вытягивалась в бамбуковом шезлонге пока еще моя Аннет. – Вы – вулканолог. Научный педант. Наверное, подвижник и фанатик идеи. Но, знаете, лучше бы вы были негром с тугими ягодицами. Или инопланетянином с третьим глазом. А так, что получается, мужчина и женщина из России. Неизбежный «ля мур». Пароходная койка. Какая банальность и шняга! Как все предсказуемо.

– Хочешь, я овладею тобой у теплоходной трубы?! – хрипел я, мои очки в золотой оправе от возбуждения (моего возбуждения, а не очков!) запотели.

– Я не так распутна, как вы, Юра, думаете, – погрузился ангелок. – Сначала влюбите в себя по-настоящему. Заставьте меня безумствовать. Срывать с себя прекрасные одежды, как лепестки ландыша.

– Я схожу, принесу еще водки?

– Вы же знаете, я не пью. А вам предостаточно. Вас же вчера целую ночь рвало за борт. Боцман был недоволен. Да и матросы плюются.

– Это физиология! Лучше поглядите какая полная луна. Пищат цикады!

– Ну, какие цикады в море, дурашка?! Да и луна еще не взошла! – приветливо расхохоталась Анна. – Все-таки, вы милый. Ваш страсть коротит ваш мозг. Мозг матерого ученого и зрелого мужчины.

Чувствуя мучительную боль чуть ниже живота, я цепко схватился за дубовые поручни лееров и, почти не мигая, принялся смотреть на перекаты зеленой воды.

За бортом, мускулисто размахивая крыльями, летели пресловутые чайки, жадно склевывая пароходные помои.

На какое-то мгновение я почувствовал себя такой же одинокой, голодной птицей.

Однако – нет! Решительно нет!

Разве я похож на пернатую?

У меня нет крыльев.

К тому же, я не питаюсь помоями.

Лишь иногда...

В столовых.

Я обожаю бифштекс с яйцом.

Со шкварками!

Вообще не люблю птиц.

По-моему глубокому убеждению, птицы – бесполезнейшие создания.

Только едят и летают.

К тому же, гадят!

Помилуйте!

За что их любить?

3.

Из Одессы мы с Аннушкой двинули автостопом по Крыму.

Мы побывали в Бахчисарайском дворце.

Грызли жареный миндаль.

Целовались под могучей тенью грецкого ореха.

Ловили ящериц.

Мало ли еще что?..

Но, чёрт возьми, Аня еще не была моей.

Я уже стал подзабывать свою Казань, кафедру вулканологии, жену Маргариту Ивановну, трех ребятишек мал-мала-меньше.

Моя прошлая жизнь представлялась теперь таким маревом, сиреневым туманом.

Реально же существовала только Анна, в контексте разнообразных географических ландшафтов и искусственных архитектурных сооружений.

– Когда же ты станешь моей? – я нервно дергал кадыком.

– Милый, я подам знак, – мрачнела моя очаровательная мучительница.

Меж тем, автостопом мы вернулись в Одессу и на теплоходе «Саратов» отбыли в порт семи морей, в Москву.

И вот теплоход «Саратов» уже причаливал в Речном порту града на Семи Холмах.

Моей жены и детишек среди восторженных встречающих не было.

Может, оно и к лучшему.

Я не узнал бы их.

Прошел целый год моих странствий по голубой планете.

Анну же встретил двухметровый красавец с чёрными сросшимися бровями. Судя по наутюженной форме, подполковник службы спасения.

– Познакомься, Юрий, – повернулась ко мне Анна Самуиловна, – мой муж, Георгий Петрович. Специалист по спасению людей по неосторожности свалившихся в кратер вулкана.

Жора по-медвежьи стиснул мою интеллигентную руку.

В глазах моих почернело.

– С кем имею честь? – пробасил спасатель.

– Юрий Козлов. Ученый. В настоящий момент, вольный странник, вернувшийся из-за семи морей.

– Весьма рад, – сквозь зубы пророкотал неожиданный супруг моей Аннушки.

– А я как рад! Нет таких слов, чтобы...

Новенькая «десяточка» ждала мою любовь возле аляповатых бетонных тумб.

Жорж, ступая по-военному упруго, потащил пудовые чемоданы.

– Так как же мы, Анна? – помертвев, спросил я.

Анюта сжала мою правую руку, не как ее муж – по-хамски, со скрытой угрозой, а нежно, вкрадчиво:

– Потерпи... Я дам знак!

– Терплю. Но что это мне стоит?!

Я же оставил Анне свои казанские телефоны (домашний и кафедры), и, с горя опрокинув в какой-то тошнотной забегаловке стопарь «Молодецкой», на ватных ногах поплелся к Казанскому вокзалу.

Спать я все пытался вспомнить лицо своей милой женушки и малых деток.

Увы, предо мной стол лишь один лик, моей погубительницы.

О, Анна!

Что же мне делать с собой?

Ответь!

Не дает ответа.

В 21.30 я выехал «скорым» в Казань.

4.

Прошло три дня.

Я думал страсть сойдет на нет, покроется розовым флером, кисеей, даже дымкой. Она же разгоралась во мне все ярче и ошеломительней.

И даже стремительный карьерный взлет, меня избрали проректором, не успокаивал.

Ночью я, в одних трусах, выскакивал на балкон своей квартиры (девятый этаж, вид на Волгу) и долго вглядывался куда-то вдаль.

Надо мной разверзалась звездная бездна.

Крупные светила шевелили тонкими лапками, перемигивались, словно намекая, мол, прохлопал, прозевал свое, сукин сын, счастье.

Я не обижался на звезды.

Они были правы.

Я лишь втягивал ноздрями ночной воздух.

Пахло скошенным ковылем, стреноженными татарскими лошадьми. Казалось, меня обдавало нежным запахом моей Аннушки.

И тут раздался пронзительный телефонный звонок.

– Кто говорит?

– Дурачок!

Я лязгнул зубами и почесал правой ногой волосатую икру левой.

– Что еще за дурачок?! За дурачка ответите!

– Боже, что он несет? Это я, Анна!

– Анна? Какая Анна?

– Ты забыл меня...

– Знаете, вы звоните в ночное время. У меня жена, трое детей, мал-мала-меньше.

К тому же, я недавно назначен проректором Казанского университета. А это вам не хухры-мухры!

– Короче! Завтра ровно в девять в гостинице «Саратов». Номер 777. Я тебя жду!

В телефонной трубке раздались длинные гудки.

По спине пробежал озноб, вот еще один поворот в моей нелегкой судьбе.

Готов ли я?

5.

В гостинице, в номере «люкс» с красными бархатными занавесками на окнах с видом на исток Волги, мы провели умопомрачительную, эротически насыщенную ночь.

Чем глубже я познавал Анну, тем более таинственной она для меня становилась.

Я любил ее так, как никто и никогда не любил.

Я любил ее даже сильнее, чем самого себя.

Куда же уж больше?!

– Юрик, родной, – проворковала моя полуночная наяда, искушая меня каждым обнаженным и полуобнаженным изгибом своего тела, – у тебя есть визитные карточки?

– Конечно! Я же проректор!

Я вскочил с кровати и упругой походкой юноши-любownika, контролируя переливы мышц спины и ягодиц, подошел к своему чесучовому костюму, бережно повешенному на стул с гнутыми ножками.

Аня внимательно рассмотрела карточку, потрогала ее выпуклый шрифт, даже зачем-то понюхала:

– Какая прелесть!

В левом углу карточки была изображена розовая фламинго.

– Зачем здесь эта птица?

– Вспоминая тебя, я представлял образ фламинго.

– Какой ты милый!..

Утром, стоя у распахнутого окна, Анна, теребя бархатную пуговицу пеньюара, спросила:

– Ты подаришь мне свою визитку?

– Конечно. У меня этого добра...

Через час начиналась моя лекция о проснувшихся вулканах, и я оперативно натягивал чуть расклешенные брюки.

Анна же еще раз полюбовалась визиткой, поцеловала ее, и положила в нагрудный карманчик.

Я бодро вышел из номера в полной уверенности, что мой роман с Анной находится в самом истоке.

О, как я ошибался!

6.

Вечером в номере 777 я не застал свою Анну.

Там поселился какой-то носатый грузинский князь с инкрустированным бирюзой кинжалом на боку.

– Где моя Анна? – я схватил князя за грудки.

Князь выдернул кинжал и приставил мне к горлу.

– Зарежу шакала!

– Зачем же так сразу?

Я понял, князь тут ни причем.

Вот и еще поворот!

Я забросил проректорство, жену Маргариту Ивановну, своих ребятишек, мал-мала-меньше, и предался пагубному пьянству.

Я опустился на самое социальное дно. Стал подонком. Спал на вокзале, ел бесплатную американскую похлебку в приютах для бомжей.

Однажды, с похмелья полубезумный, я столкнулся с университетской вахтершей, бабой Клавой.

Она посоветовала мне ехать на Соловки, к старцу Паисию.

– Он твоего «зелёного змия» враз выгонит!

Я поехал на Соловки, несколько дней коленопреклоненно стоял на службе.

Старец Паисий что-то пошептал надо мной, и мне уже совсем не хотелось пить.

Начинался Крестный ход.

Мелькнули хоругви и тяжелые церковные знамена.

Густо запахло ладаном.

Потупясь, пошли монахи и монашки.

Одна из монашек, почудилось, сверкнула на меня знакомыми карими глазами.

В черном хитоне и в черном же плате шла моя Анна.

Жаркие слезы обожгли мне глаза.

Маленький, скособоченный юродивый с бельмом на глазу подошел и ласково перекрестил меня:

– Ишь, как убивается, голубчик! А ты, раб божий, радуйся!

– Я, дядя, стараюсь...

Вечером в скором поезде, отхлебывая биокефир, я выехал в Казань.

Настроение пасмурное. Все суета и тлен.

Вот они, визитные карточки, до чего доводят!

Хотя причем тут карточки? Чёрт с ними!

За окном мелькали березки или молодые дубки.

Что-то меня ждет впереди?!

Дабы резко переменить обстановку я решил отправиться в Индию. В страну Киплинга, мыльного дерева и Рики-Тики-Тави.

Глава 7

СТО РУПИЙ

1.

Я тщательно изучил бомбейские вулканы. Они то и дело оживали, выбрасывая в небо тонны пепла.

Экология Индии шла к чёрту! Мыльные деревья погибали на корню. Ганг был безнадежно загажен и мало подходил для ритуальных омовений религиозных фанатиков.

После насыщенного трудового дня я лежал в своей крохотной гостинице в камышовом кресле, совал руку в карман субтропических шорт, вытаскивая причудливые экземпляры пемзы.

Признаться, за пару недель мне уже надоела Индия с ее йогами, рикшами, москитами и вулканами. Я все настойчивей мечтал о какой-нибудь более холодной стране...

Да-да!

Жгучие морозы!

Как там? «Морозной пылью серебрится его бобровый воротник...»

Ядреная водка лихом в кабаке!

Косолапые медведи и цыганки в монисто!

Через мощный пемзой дворик прошла тоненькая девушка с расписным кувшином на голове.

У меня перехватило дыхание.

Точеный стан, схваченный зеленым шелком, черные ресницы, взлетающие, как бархатные ночные бабочки.

Я – вулканолог. Я привык наблюдать самые загадочные и энергетически насыщенные объекты. Наблюдать с холодком прожженного натуралиста.

Тут мое сердце нежно заныло, а низ живота окатило теплом.

По радужной пемзе дворика побежал рикша с бамбуковой повозкой.

Я цокнул языком.

Рикша подлетел ко мне.

– Кто такая? – указал я перстом на удаляющуюся зеленую спину незнакомки.

– Саламуфь, – потупился рикша.

– Гаремная?

– Что вы! Она свободна, как ласточка в закатном индийском небе.

– А зовут тебя как?

– Рабиндранат.

– Иди, братец! – я кинул заболтавшемуся рикше одну рупию, которая, звеня и подпрыгивая, а, может быть, сначала подпрыгивая, а потом уж звеня, как хотите, замерла у босых ног индийского таксиста.

Рикша вдруг сжал свои смуглые челюсти, потом разжал их, выкрикнув:

– Колонизатор! Бестия!

И мелькнул со двора со своей повозкой, искусно выработанной из красного индийского бамбука.

Рикша пренебрег деньгами!

Да, Индия, как и прежде, оставалась для меня страной загадок.

Я спустился во двор и бережно поднял неосторожно оброненную рупию.

2.

Утром я опять увидел красотку.

Она шла к ручью. Судя по расслабленным мышцам ее смуглой шеи, кувшин мирно стоящий на ее голове, был пуст.

Серебряные колокольчики на щиколотках девушки издавали ласковый звон.

– Э, милая, на пару слов! – гортанно выкрикнул я.

– К вашим услугам, – на чистейшем русском произнесла индианка.

– Вы – Саламуфь?

Девушка наклонила головку с венком из чуть розовеющих лотосов.

– А я – Юрий Козлов. – Вулканолог. Ученый и вояжер.

– Я пойду? – спросила водоноша.

– Откуда вы знаете русский?

Девушка, не проронив ни словечка, пошла прочь.

Тут из-за угла индийской мазанки сверкнули глазенки моего старого знакомого, рикши-бессребренника.

Я поманил его пальцем.

– Извините, сэр, – потупился мальчуган, – вчера я погорячился. – Говорил он на чистейшем идиш. – Принял вас за англичанина.

– Я русак! Плоть от плоти.

– То-то и оно. Саламуфь просила вам передать – ее такса сто рупий.

– Какая еще такса? – несказанно удивился я.

– Экие вы недогадливые. А еще в космос разных собачек запускаете. Белок... Стрелок...

– Неужели она из этих? – озарило меня.

– Она самая лучшая! – с блеснувшими слезами воскликнул рикша. – Она лучезарней всех! Сокровенней.

– Умерь, братец, пафос! – образумил я юношу. – Ты пойми, я много путешествую. Я ученый! У меня выработались определенные принципы. Ими я не могу поступиться. Надо жить не по лжи.

Рикша смущенно почесал грязной пяткой икру соседней ноги.

– А принцип мой таков, – продолжал я, чувствуя себя все более гармоничным человеком, – никогда не давать дамочкам деньги. Никогда! Золотой принцип! Пусть они великолепны, как архидьяконы! Пусть... Никогда! Так и передай своей госпоже.

Мальчуган тряхнул смоляной головенкой, подхватил поручни бамбуковой повозки, истошно громыхая по пемзе настила, юркнул за угол.

Я налил себе стакан сока манго. Добавил стальными щипчиками кубик льда. И сидя в камышовом кресле, принялся наблюдать еще один бомбейский закат.

3.

Она пришла ко мне сама.

Она не могла ни прийти.

Скинула легкие сандалии, украшенные лепестками лотоса.

Развила вокруг себя невесомую зеленую материю.

Я, поверьте мне, видел много женщин.

Может быть, даже слишком много.

Раз, два, три...

Всех и не счесть.

Разных национальностей, возрастов, политических пристрастий и религиозных конфессий.

Это был изумительный экземпляр!

Феноменальная порода!

Маленькая, вполне сформировавшаяся грудь с острыми коричневыми сосками.

Мускулистый втянутый животик.

Изумительной лепки зад.

Стройные ноги, словно сошедшие с греческой, или еще какой, более древней, вазы.

– Юрик, – проворковала девушка, – где у тебя ванна?

Меня словно шилом кольнули.

– Я не настолько, милая, богат, – взвился я, – чтобы держать номер с ванной. У меня есть душ. Душ господина Шарко.

– Ты такой возбужденный, – индианка погладила фосфоресцирующие в янтарном свете луны груди. – Шампунь и мочалка найдутся?

– Шампунь превосходный. Русский. Разработанный по программе конверсия «Щит и меч».

– Ты раздевайся, – Саламуфь намекающе подмигнула мне. – Я сейчас.

– Сто рупий ты не получишь, – крикнул я ей вдогонку. – Предупреждаю сразу.

– Дурашка, – горлово засмеялась визитерша, задерживая, мелодично зашумевшую, бамбуковую штorkу.

– Между прочим, я – доцент!

Я резко снял свой пятнистые тропические шорты. Стянул майку с изящным лейблом Черкизовского мясоперерабатывающего комбината. Приступил к снятию легких, элегантных трусов, плод замысловатого труда Ивановской трикотажной мануфактуры.

И тут вошла она.

С распущенными до пояса волосами она была еще неотразимей.

– Ну, скорей же. Раздевайся до конца, мой злодей, – чуть морща губки, произнесла Саламуфь.

Я срочно последовал её совету.

4.

Ну, что вам рассказать о наших сексуальных безумствах?

Это был космос!

Путешествие сквозь Галактику, с ее черными дырами!

Саламуфь знала все позы Камасутры. Несколько поз даже для меня, опытного любовника, оказались внезапными.

В какой-то момент нашей ураганной страсти мы так сплелись своими телами, что хотели уже звать на помощь целомудренного рикшу.

Но, хвала индийским многочисленным богам, все обошлось.

От амурной дрожи клацал жемчуг наших зубов.

У меня дико зачесалась пятка и засвистело сразу в обоих ушах.

– Я полюбила тебя с первого взгляда, – поправляя сбившийся в кудрях цветок лотоса, сказала ночная царица. И вдруг представилась: – Елена Ежкова!

– Как?! – изумленно вскочил я с тропического ложа.

На мой горловой крик, ревниво сверкнув глазами, заглянул рикша.

– Все хорошо, – кивнула рикше недавняя Саламуфь, и рикша бессловесно исчез в проеме.

5.

История Елены Ежковой была затейлива и одновременно бесхитростна, как все, что происходит в новейшей России.

Богатая бизнес-леди, торговавшая компьютерами и компьютерной периферией, в конце 90-х годов дотла разорилась.

С горя Лена бросила своего мужа, солиста балета Большого театра, сошлась с красавцем грузинским князем, который увез ее в горы, а там, от ревности или с похмелья, чуть не зарезал ее кинжалом с инкрустированной рукояткой.

С партией паломников Лена оказалась в Тибете, у монахов в оранжевых хитонах.

Елена совершенно искренне приняла буддизм, овладела, в меру своих девичьих сил, искусством рукопашного боя с применением шеста из бамбука.

Потом Лена отправилась к берегам священного Ганга, принимать омовение.

Стала отшельницей.

Мазалась глиной из русла священной реки, стояла без движения, как дерево, совершенно обнаженная, пару-тройку недель.

Там ее и заметил знаменитый индийский продюсер мюзиклов, позвал в содержанки.

Этот преуспевающий продюсер и окрестил Лену в Саламуфь.

Вот так и началась ее блистательная карьера куртизанки.

На сегодняшний день Лена не без гордости может сказать, что она самая дорогая девочка Бомбея по вызову.

Я, Юрий Козлов, вулканолог и путешественник, уважительно склонил голову.

– С тобой я сошлась по любви, – слезинка блеснула на ресничке Лены. – Ты умен, как Сократ. Ты умеешь любить, как Че Гевара. Ты...

Впервые мне захотелось заплатить женщине 100 рупий.

Я еле сдержался.

6

На Бомбейский вокзал нас с Леной отвез в своей бамбуковой повозке молодой, однако очень ревнивый рикша.

Мощный индийский паровоз выбрасывал молочные клубы пара.

Лязгал рычагами сцепления.

– Никогда не забуду, – приникла к моей груди Саламуфь.

Я мучительно стиснул зубы.

Сколько женщин мне говорили эти слова?

Сотни?

Тысячи?

Где они все?

На прощание я потрепал рикшу Рабиндраната за его небритую щеку и дал ему рупию.

Юноша сверкнул индийскими глазами и спрятал серебряный кругляш за левую щеку.

– Будет грустно, приезжай в Россию, – крикнул я Лене, мускулисто запрыгивая на подножку поезда.

Кондуктор дал отмашку.

Звякнул гонг.

Состав медленно и верно тронулся.

Саламуфь с рикшей бежали за поездом.

Рикша что-то кричал на идиш, увы, я уже ничего не слышал.

Саламуфь сорвала с волос цветок лотоса и кинула мне.

Мне удалось поймать лепестки.

Этот засушенный, но все еще благоухающий цветок, хранится у меня в фотоальбоме, рядом со снимками проснувшихся бомбейских вулканов.

Иногда я задумчиво нюхаю его.

Вспоминаю индианку Лену...

Рикшу Рабиндраната.

В Москву!

Срочно в Москву!

Глава 8

ЕГИПЕТСКАЯ ГУБНАЯ ПОМАДА

1.

Как-то я брел по одной из московских улиц.

Вдруг на меня с одного лепного балкона блеснули милые женские глазки.

Я остановился и стал зазывно показывать даме на свой коробок, в коем он транспортировал египетские товары.

Дела в институте Вулканологии шли неважно. На некоторое время мне пришлось стать корабейником.

Незнакомка ласково улыбнулась и поманила пальчиком.

– Я – представитель фирмы «Серебряный сфинкс», – начал я с порога, но женщина закрыла мне губы надушенной ладошкой и увлекла на водоналивной матрас.

Мы бурно занялись любовью.

Дама счастливо металась и кричала в постели. Я же, стискивая белые зубы, тоже чувствовал исключительный накал страсти.

Час за часом мы катали на мускулистых и плоских животах замороженную клубнику из двухкамерного холодильника «Русский пингвин», слизывали яичные желтки и взбитые вологодские сливки.

Тут дама вскочила и хлопнула в ладоши.

– Хватит! – горловым голосом сказала она. – Теперь скажи мне, кто ты и откуда?

2.

Я откашлялся.

– Что говорить? Печальный торговый мытарь. Еще недавно выдающийся ученый-вулканолог. Теперь же всякий может меня обидеть. Старухи обругивают меня капиталистом. Капиталисты меня дразнят уличной мелюзгой. Иногда...

– Довольно, – нахмурилась женщина.

Она рыдала...

Я заиграл желваками и спросил:

– А ты кто, красавица?

– Я? – переспросила испуганно дама.

Раздался оглушительный стук в дверь.

– Это мой муж! – вскрикнула милая. – Быстро! Сюда!

И она указала мне на огромную винную бочку, стоявшую рядом с аквариумом, заселенным декоративными, однако весьма энергичными пираньями.

3.

Приход мужа моей любимой никогда не вызвал у меня особой радости.

К тому же, этот мужлан явно тянул за центнер с гаком.

Он гремел по березовым шашечкам паркета какими-то немыслимыми сапожищами.

В его ушах и ноздрах нагло кустились смолистые кучерявые волосы.

– Люси! – непотребно заорал он с порога. – Чуют мои волосатые ноздри, здесь дух уличного торгаша?

– Что ты, Жорж, – оправдываясь, залепетала Люси.

Георгий жадно, почти со свистом втянул в себя комнатные пласты воздуха.

– Чёрт меня дери, если я не обоняю запах египетской губной помады! – завопил он.

И Жорж на твердых ногах уверенно направился к бочке.

4.

Вся жизнь в мгновение ока пронеслась в моей голове.

Вот я ловлю в пруду карасиков с подслеповатым дедушкой Ефимом.

Вот я с хромой бабушкой...

Вот с востроглазой индианкой Саламуфь...

Не успел я додумать о бабушке и Саламуфи, как мощная рука вытащила меня из бочки за шиворот.

Без сомнения, это была рука мужа прекрасной Люси, безобразного Жоржа.

– Ты кто такой?! – прогреготал Жорж.

Деликатно вывертываясь из стальной хватки, я чеканно произнес:

– Фирма «Серебряный сфинкс» рада приветствовать вас. Наши товары отличаются ошеломляюще высоким качеством и потрясающе низкой ценой. Взять хотя бы эту бирюзовую помадку...

Жорж криво оскалился.

– Ну ты, болотный хмырь, – произнес он. – Не морочь мне мозги. Отвечай, как попал в бочку? А?!

– Жорж, я все объясню, – стильно поднялась с водоналивного матраса Люси. Она эротично повела бедрами и лодыжками.

– Женщина, молчи! – взвизгнул Жорж. – Ну? – он вновь повернул свое осатанелое лицо ко мне, Юре Козлову.

– Я вас испугался...

– Как ты оказался в моей квартире? – по-иезуитски сощурился Жорж.

– Продавал вашей супруге египетскую губную помадку, – я потупился.

5.

В комнату вошел, почти вбежал, маленький, горбатенький дедушка.

– Кто тут продает порожнюю винную бочку? – спросил он.

– Мы, – ласково сказала Люси.

– Только этот подлец, – Георгий Иванович неумолимо указал на меня, – испоганил ее своими ножищами.

Дедушка посмотрел на меня.

– А я знаю этого молодца, – со старческой мудростью в голосовых интонациях сказал он.

– Он – жалкий агентшкa, приторговывающий египетской косметикой, – передернул кадыком Жорж.

– Не только, – лукаво залучился морщинками дед. – В Златоглавой он более известен как бабник и прощелыга. Он, то и дело, скрывается в порожних винных бочках, когда зазевавшиеся мужья ненароком приходят домой.

– Что? – задушено прохрипел Жорж.

– Так почему же будет ваша винная бочка? – вклинился замшелый старец.

– Вон! – заорал Жорж и, схватив дедушку за бороду с проседью, дал ему пинок в то место, кое располагается ниже спины, однако, упоминать кое в изящной словесности, вы уж поверьте, нет никакого смысла.

Старичина еще больше сгорбатился и серым крысаком вышмыгнул вон.

6.

Повисла латентная пауза.

– Конечно, может быть, я ничтожество, – наконец-таки произнес Жорж. – Я – стар и толст. У меня из ноздрей и ушных раковин растут волосы. Но я – человек. А не зверь и не птица! И у меня есть душа. И нежное любящее сердце!

– Кто спорит, Жорж? – растроганно произнес я.

– Чем ты занимаешься, Жорж?! – гневно воскликнула Люси. – Разве можно быть в таком бизнесе и требовать к себе уважения достойных людей?

Георгий задумался.

– Да, я поставляю кожу африканских носорогов, – медленно произнес он. – Да, мне жаль этих зверушек. Но ты сама, – Жорж указал на чужаки Люси, – носишь обувь из поставленной мной на российский рынок кожи новорожденного носорога.

Люси сбросила носорожьи чужаки и, упав на подвернувшуюся оттоманку, заревела белугой.

– Не плачь, – Жорж погладил ее русые волосы. – Если хочешь, я брошу свой постылый, хотя и весьма прибыльный бизнес? Скажу больше, я могу уйти, а ты свей семейное гнездо с этим неоперившимся павианом.

– Да на фиг он мне нужен! – фурией взвилась Люси. – Разве знает он мои часа от часа возрастающие потребности?!.. Юрика я полюбила лишь телом, а тебя, Жорж, я боготворю всей душой!

– Ах, Люси, – обескуражено молвил я, Юрий Козлов.

– Уходи, Юрка, – сказала Люси. – Если хочешь, я прикуплю у тебя парочку египетских губных помад. Жорж, выпиши, пожалуйста, чек!

Жорж небрежно достал из внутреннего кармана чековую книжку и выписал мне крупную сумму в египетских фунтах.

7.

Прошло несколько лет.

Я почти ежедневно забегаю к Люси и балуюсь с ней на водоналивном матрасе.

С Жоржем сдружился.

По вечерам мы пьем африканский кофе с ароматными глазированными крендельками, играем в шахматы, вспоминаем былое.

Я уже перестал разносить египетскую помаду, вновь с головой окунулся в увлекательный мир вулканологии.

Недавно Жорж предложил мне поехать в Кению браковщиком-приемщиком шкур носорогов.

Я раздумываю.

Винную бочку мы продали тому самому горбатенькому старичку-разоблачителю.

И сбыли, к бабке не ходи, за весьма приличную цену.

Меж тем, приближался Новый год.

В Москве это всегда фиеста.

Глава 9

КРЕМЛЕВСКИЙ КАРНАВАЛ

1.

Каждый человек о чем-то мечтает.

Кто-то грезит о поездке на Кипр...

Кто-то о навороченной мобиле...

Кто-то о богатой сожительнице...

Я же с детства грезил попасть на кремлевский маскарад.

Да как это сделать?

В Кремле отплясывают гопака в карнавальных костюмах свиней и волков только люди особо приближенные Президенту.

Когда мне стукнуло 33 года, священный возраст, я решил, была не была, напялил шкуру белого медведя и нагло поперся в Спасскую башню.

То ли по халатности, то ли по случайному совпадению, секьюрити меня пропустили.

Присматриваюсь.

Кого только нет!

И еноты, и кролики, и ягуары, и, прошу прощения, какие-то выдры.

Каждой твари по паре.

И, конечно же, внушительнее всех выглядит наш дорогой Президент в слегка потрепанной шкуре из горностая.

Грянула музыка.

«Виртуозы Москвы» загнули что-то немисливо веселое, бравурное и одновременно зовущее куда-то в светлую и неоглядную даль.

Вдруг я увидел барышню феерической красоты – белокурую, с голубыми глазами, при-топывающую в танце легкими ножками.

Девушка была в костюме молодого барашка.

Я иду к незнакомке.

Охранники в костюмах орангутангов стали оттеснять меня плечами.

Но я все-таки приблизился к цели и кричу:

– Кто ты, куколка?

– Я – дочь Президента Российской Федерации, – отвечает.

Подходит Президент, внимательно на меня смотрит.

– А ну-ка, снимите с него шкуру, – приказывает он орангутангам.

Стащили охранники с меня шкуру медведя, плятятся в три глаза, а узнать не могут.

– Это никак наш младший повар. Мастер по салату оливье, – предположил какой-то енот.

– Да нет, это подмастерье часовщика из Спасской башни, – брякнула пожилая карака-тища.

– Да кто ж ты таков?! – взревел тут Президент вся белая и черная Руси, необозримой и неприступной.

– Я простой вулканолог, – бесстрашно отвечаю я. – Зовут меня – Юрий Козлов.

– А меня зовут Василиса, – покраснела дочь Президента РФ и потупилась.

– Отдайте за меня дочку замуж, – прямо посмотрел я Президенту в глаза.

– Выкиньте его! – кратко приказал Президент.

2.

Прошел месяц, но образ дочери Президента не оставлял меня.

Рассматриваю ли я вулкан в разрезе, а представляю нежную шейку Василисы.

Щупаю ли я замысловатые образцы пемзы, а вижу чудесный стан, стянутый корсетом на китовом усе.

Извелся я, истерзался.

До следующего карнавала целый год!

Когда я уж совсем извелся, пошел на Страстной бульвар в церковь к своему духовнику.

А тот предлагает:

– Когда человеческий дух воспаряет в любви, он становится подобен крылатой птице Феникс. С крыльями, разбросанными по обе стороны. И машет и машет он оними!

Вскрикнул тут я радостно и опрометью бросился к себе домой, сооружать из клейстера и легкого картона могучие крылья.

Старт я назначил на завтра, с крыши ГУМа.

3.

Перелетел я Кремлевские стены и сразу попал в объятия ненаглядной Василисы.

Прилегли мы сразу на декоративный лужок подле Грановитой палаты.

Я целую Василису один раз, она меня трижды.

Я ее трижды...

Она даже со счета сбивается.

Тут помрачнела Кремлевская территория.

Затряслись зеркальные стекла в министерских кабинетах.

Набежала волна духовитого воздуха.

Это из своих покоев вышел Президент РФ.

Скрутил он из газеты «Коммерсантъ» козью ножку, дыхнул забористым табачком «Манхеттен» и только тогда заметил дочурку со мной, то бишь, с Юрой Козловым.

А мы так увлеклись, что ничего не замечаем, знай, милуемся.

Помрачнел Президент.

Тихонько подошел к голубкам, т.е. к нам, да как схватит меня за левую лодыжку, да как подымлет меня к самому небу.

– Ты кто таков? – нечеловеческим голосом ревет Президент. – Отвечай, каналья, или же я тебя о горяч-камень головкой шмякну!

– Я – Юрий Козлов. Вулканолог Казанского университета.

– Да как ты посмел, – ревет Президент, – в мои священные покои вломиться?! Да как ты дерзнул мою белокрылую лебедку-дочурку на зеленой полянке любовно крутить?!

– Да я женюсь на ней! – блею я.

– В острог его, – через зубы приказал Президент прискакавшим охранникам.

4.

И вот сижу я в остроге, недобрым словом поминаю картонные крылья любви.

Вдруг, что такое?

Скрипят тюремные дубовые ступени.

Предо мной вырастает, как гора, как гранитный кряж в океане, сам Президент РФ.

Опускается на край панцирной кровати, с пытливостью глядит на сидельца, то есть, на меня.

– Ну, как здесь кормят? – подмигнув, спрашивает.

– Ничего, – бодро отвечаю. – Сегодня, к примеру, свиную требуху давали, под соусом «Чили».

– Добре, – усмехнулся Президент, надолго задумался, сурово сдвинув брови, затем продолжил: – Девка моя, Василиса, тебя, подлеца, все не может забыть. Замуж хочет.

– Не вопрос!

– Да ведь я не согласен, я! – со слезами в голосе ревет Президент и тут же задумчиво осекается. – Задам я тебе, Юрушка, три загадки. Ответишь, твоя фортуна. Не ответишь, вечно в остроге свиную требуху под соусом «Чили» будешь уписывать.

5.

– Ну, отвечай мне, Юрий Козлов, – потер могучие ладони Президент, – что на свете всего больше?

– Вы, господин Президент! – тут же ответил я.

Университетское образование позволяет мне на любой вопрос отвечать сходу.

– А почему не Солнце?

– Солнце – далеко, вы – рядом.

– Добре, – подивился Президент. – А скажи мне, что всего ярче?

– Вы, господин Президент.

– А почему не Солнце?

– Опять же, оно – вона где, а вы – вот, тут!

– Верно, – сверкнул очами Президент. – Тогда ответствуй мне, со всей присущей тебе искренностью, что всего жарче?

– Вы, господин Президент!

– Не Солнце?

– Оно на ночь спать ложится, а вы даже во тьме крошечной сограждан государственной мыслью греете.

– Метко! – воскликнул Президент и резюмировал: – Быть по сему!

Повернулся на пятке и молодецовой походкой вышел из острожного помещения.

6.

Вот уж год как я со своей Василисой живу в согласии и в мире.

У нас карапуз родился.

Назвали его в честь Президента – Святогором.

Славный пацан!

В часы досуга Святогорчик все ползает по дюжим коленям Президента, и в его, младенчика, пока еще маленькой голове уже сейчас, наверняка, роятся мысли о будущем России.

Кстати, меня Президент назначил главным российским вулканологом.

Должность ответственная!

Я то и дело выезжаю в дальние командировки, со светлой тоской вспоминаю на чужбине беззаботное время своего жениховства, когда мы с Василисой гуляли у Кремлевских прудов, миловались в нежной травке-муравке, а иногда, не без успеха, тягали на донку золотых сазанов из Москвы-реки.

А кто-то еще смеет утверждать, что счастья нет.

Есть!

И очень-очень много.

Через полгода мы развелись.

Мне надоел Кремль. Прискучила почетная должность. Обрыдла жена. Достал визг Святогора.

У меня уже появилась любовница, Кармен. С ней мы задумали побег на юг.

Глава 10

КАВКАЗ

1.

Море смеялось.

Плоды инжира падали на оттоманку, и мы путали вкус инжира с терпким медом нашей любви.

А ведь еще недавно, совсем недавно мы бежали от ее мужа!

Мы бежали с Казанского вокзала.

Сквозь матовое стекло вагона я, вулканолог Юрий Козлов, увидел ее изящные ножки в туфельках на шпильках. И его, его тяжелые ноги в сапогах из козлиной кожи. Я резко задержал занавеску и, как гончий пес, сжался на бархатном сидении.

Растворив двери купе, она просто рухнула в мои объятия. Прошептала, нервно кутаясь в пелеринку:

– О, Юрий! Что мне пришлось пережить!

– Что? – отчаянно спросил я.

– Я сказала мужу, будто женская болезнь гонит меня в Анапу. Затем в Туапсе. Он согласился отпустить меня лишь на неделю. Если я задержусь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.